

Александр АУЗАН, Институт национального проекта «Общественный договор»

Уважаемые друзья, больше всего мне нравится в этом исследовании, что оно, по моему, содержит в себе очень полезную провокацию, увязывающую рассмотрение экономических вопросов с вопросами прав свобод. Это же великий вопрос, скажем, для экономической теории.

Я напомню, что, наверное, уже лет 10, как было проведено большое исследование Всемирного банка под руководством Кифера и Шерли по поводу институциональных индикаторов. С тех пор пошла дискуссия в мировой экономической литературе по поводу того, есть вообще связь между правами собственности и правами свободы или такой связи нет. Из некоторых эмпирических исследований вытекает, что вроде бы нет, вроде бы могут права собственности достаточно успешно развиваться, а права свободы при этом остаются где-то за бортом.

Скажем, Даглас Норт опровергает эти вещи. Есть большая дискуссия, которая к нам имеет прямое отношение, потому что это вопрос о том, насколько жизнеспособна сама идея либерально-авторитарной модели, и что с ними произойдет дальше.

Я бы сказал, что из того исследования, которое проделано, следует, с одной стороны, некоторый обнадеживающий вывод: если экономическая динамика сохранится, то вроде бы должны наступить какие-то изменения. С другой стороны, мне не очень понятно, насколько автоматически наступают такие изменения. Поэтому с вашего позволения, я бы высказал всего четыре соображения, потому что наверняка здесь многие будут говорить о разных аспектах.

Первое, по поводу гипотезы. Мне кажется, что гипотеза для этого исследования недоопределена. Почему? Да, конечно, если существует спрос на некоторую информацию, то именно средний класс является основным носителем этого спроса на свободную конкурентную рыночную информацию, потому что бедным нечем платить за эту информацию, а богатые добывают ее сами. Это правильно. Но дальше возникает вопрос: а сам спрос на эту информацию связан только с тем, что люди могут платить, или с тем, что есть нечто в обстоятельствах их жизни, что заставляет эту информацию приобретать?

Если мы говорим о спросе на свободу слова, то, видимо, речь должна идти и о предложении свободы слова. Что я бы перевел на другой язык примерно следующим образом. Если, например, существует реальное разнообразие муниципальной, региональной и национальной жизни, тендеры на то или иное имущество, реально действующая биржа, политическая жизнь, парламентская жизнь, то есть тот объект, который образует начинку для предложения свободы слова. Если всей этой жизни нет или она очень ограничена, то платежеспособность людей, которые готовы покупать информацию. Информацию о чем? Она не имеет значения, она фиксирует только одно, что теоретически эти люди могли бы еще чего-нибудь такое прикупить. Если мы говорим про спрос, мы должны были бы говорить про предложение, понимать, откуда рождается это предложение, как это связано с реальной жизнью.

Третье. Взаимодействие этих характеристик всегда опосредовано правилами. А правила разные. Я приведу два примера, почему у нас просто казус какой-то странный получается как с 1990-ми годами, так и с годами застоя, которые на графике демонстрируют у нас колоссальный рост спроса на свободу слова. Сама система взаимодействия спроса и предложения на информацию устроена принципиально по-

разному в 1970-е годы и в 1990-е годы. Потому что – да, безусловно, люди имели возможность подписать большое количество изданий. Часть изданий они подписывали не потому, что это был их выбор, а потому, что это было условие той или иной деятельности. Многомиллионные тиражи "Правды", журнала "Агитатор", журнала "Коммунист" стояли именно на этих правилах, на которых было устроено это взаимодействие. При этом, в региональной газете, в местной газете человек читал на самом деле то же самое, что в "Правде", потому что местная жизнь либо не отличалась, либо не отражалась, и фактически это было тиражирование той же самой информации.

В 1990-е годы еще более сложный процесс. Если мы посмотрим, что происходило реально с рынком, например, печатных СМИ после дефолта, то выяснится интересная закономерность. Да, конечно, было падение, вызванное дефолтом, потом начался рост спроса. Но что происходило на рынке печатных СМИ: розничные издания очень сильно теснились изданиями рекламными. Рынок вообще реорганизовался по своим правилам. Получилось так, что на рост спроса – а он происходил – рекламодатель реагировал, предлагая все больше бесплатной рекламной продукции либо рекламных изданий для того, чтобы этот спрос в себя втянуть. А с изданиями, которые несли позитивную информацию, критическую информацию, альтернативную информацию что происходило? Розничные сети стали брать деньги с этих изданий. Не давать им деньги за распространение, а брать с них деньги за распространение. Это все на фоне роста спроса. Я утверждаю, приводя этот пример, что переключение растущего спроса на те или иные цели, вообще говоря, зависит от того, как устроена система правил, как в широком контексте, так и в узком контексте. Мы можем получить совершенно разные результаты.

И насчет данных Госкомстата, ЦСУ СССР, видимо, за годы застоя. Понимаете, друзья мои, нельзя для дефицитной экономики считать номинальный доход, сравнивая его с доходом в рыночной экономике, потому что, я осмелюсь утверждать, что на протяжении 1970–80-х годов при росте номинального дохода происходило падение реальной возможности покупки, и поэтому у нас получатся другие результаты. Просто экономика по-другому устроена. У нас несопоставимость получается.

Последнее, что я хотел бы сказать. В конце произошел выход на очень широкую тему – на тему там взаимной динамики свободы и равенства в зависимости даже, видимо, не от типа политического режима, а еще от истории политического режима. Вот в таком широком контексте тему обсуждать страшно интересно. Меня бы интересовали две вещи для обсуждения этой темы.

Первое. Проверяться ли эта динамика показателей в зависимости от GDP на душу населения, потому что, может быть, там дело в ресурсе, которым располагает нация, а не только в том, что она может параллельно решать некоторые задачи, которые в других случаях решаются взаимоисключением.

Второе. Я допускаю, что мы говорим о странах с разным типом социального контракта. То есть, иными словами, в одном случае, любая проблема решается путем перераспределения прав через государство, и тем самым мы уменьшаем каждый раз зону свободы, решая любую проблему. В другом случае, это решается совершенно иным способом, а именно: некоторым консенсусом меньшинств – это локковский тип договора. И тогда мы не будем иметь такого рода динамику. Но в целом эта более широкая тема требует, по-моему, отдельного обсуждения и отдельного исследования.

Лев ГУДКОВ, Центр Юрия Левады

Я не экономист и даже не специалист по социологии СМИ, я – сотрудник "Центра Левады" и веду исследования общественного мнения, в том числе и отношения к СМИ, доверия и пр. И, собственно, исходя из этих данных, я отреагирую на основные тезисы доклада.

Когда я прочел исходные материалы, тезисы, они у меня вызвали сильнейшее возражение, честно вам скажу, потому что мой опыт как раз противоречит такому экономическому детерминизму, установке на каузальность, хотя это очень соблазнительный ход, он характерен и для Мау, и для Гайдара, целой линии таких рассуждений и у нас: что при 50 долларах на душу населения будет такой-то порядок, при 150 – будут подметать улицы, при 200 – все или какая-то часть поедут на машинах, а при 1000 долларов расцветут независимые СМИ, и мы будем жить в другом обществе.

Мой посыл был совершенно другой: мы не потому бедные, мы не потому такие несчастные, злые, агрессивные, убогие, что мы так живем, в таком обществе, а мы живем в таком обществе, потому что мы такие бедные, злобные, агрессивные, несчастные и прочее. Культурные установки, культурные ценности – т.е. сознание определяет и институциональную структуру, поддержку определенных лидеров, режимов и прочее. Поэтому чисто детерминистская экономическая линия мне была не симпатична.

Я посмотрел по нашим данным, а у нас за 15 лет накопилось довольно много, и с удивлением обнаружил, что этот тезис подтверждается. Как ни странно. Слабо, но подтверждается. И в принципе в таком общем виде я бы согласился. Ну, естественно, не как каузальная связь, а тезис, что определенный образ жизни, связанный с доходами, с самопредставлениями, с мотивациями к труду, предполагает определенную институциональную систему и, в общем, порождает некоторый спрос на информацию.

Но, посмотрев на отношение к информации, на ценность информации, я не обнаружил, что у нас есть универалистские ценности, как свобода информации, как свобода печати и прочее. Существует, по крайней мере, несколько устойчивых установок в отношении спроса на информацию, и все они носят довольно партикуляристский, частный характер. Нет единого понимания свободы информации, ценности информации, потому что, вообще говоря, не существует соответствующей институциональной системы.

Ведь свобода информации, я понимаю, возникает только лишь при определенной сложности устройства системы, когда есть суд, есть публичная сфера – то, что Хабермас называл публичностью, *offentlichkeit*, т.е. рефлекслирующая социальная среда, осмысляющая те или иные проблемы процесса, где есть элита, ответственная, автономная. Не обеспечивающая запросы власти, ее поддержку, а автономная элита. Где есть парламент. И прочее, прочее.

У нас этого нет, и поэтому и спрос на информацию возникает в очень странных средах. Я бы сказал, что он существует в определенных видах бюрократии, высшей бюрократии. Это раз. И это довольно устойчивый и интересный, наиболее рационализированный спрос на бюрократию. И я думаю, что как раз, если говорить о перспективах нынешнего режима, то это зависит не от массовых настроений, не от экономической динамики, а от процессов разложения внутри самой бюрократии,

нуждающейся в этом спросе. Это вот один вид спроса.

Другой спрос на информацию – развлекательный такой, информационный «массаж», поддерживающий очень характерное состояние взвинченности и пассивности, массовидный, который служит опорой нынешнему режиму.

И третий – это спрос на социальную критику в основном, но социальную критику, связанную с неудовлетворенными, грубо говоря, социалистическими ожиданиями, распределительными ожиданиями. Это в основном неудовлетворенные части обиженной массы, для которых перспективы закрыты.

Так что, говорить об одной ценности свободы информации не приходится.

Еще несколько цифр, чтобы было понятно, на каком фоне мы говорим. За десять лет, с 1990-го по 2001-й, средний тираж газет в России упал более чем вдвое, а центральных изданий – в 25 раз. Хотя их число многократно увеличилось, примерно в шесть раз. Тираж журналов упал в 6-7 раз, а их число возросло. Причем, наиболее читаемых в 1990-е годы упал тоже в 25 раз. Иначе говоря, спрос на информацию, если тиражи рассматривать при отсутствии лимитов как некоторый показатель спроса, сосредотачивается на очень узкой площадке, где действительно есть конкуренция.

Государство – по данным экспертов – сегодня выступает собственником 70 процентов всех электронных СМИ, 80 процентов общенациональных и 20 процентов региональных изданий. Поэтому отношение к СМИ – и это очень характерно – характеризуется главным образом частичным недоверием и безальтернативностью.

Динамика отношения доверия, недоверия к средствам массовом информации на всем протяжении (см. таблицы 1, 2, 3, 4). Вы видите, что основная установка – это неполное доверие, частичное доверие, очень характерное для нашего массового сознания. Полное доверие упало с момента мобилизации перестроечных [] с 38 процентов до, примерно, 24-25. Оно поднялось в момент прихода Путина и надежд, связанных с ним, и сегодня начинает немножко спадать. Хотя в прошлом году, вы видите, при дифференциации, вообще говоря, общественного поля оно увеличилось.

Табл.1.

В какой мере заслуживает доверия сегодняшняя печать, радио, телевидение?

Годы	Полное доверие	Неполное доверие	Полное недоверие	Затруднились ответить
1989	38	40	6	16
1993	26	48	10	16
1994	27	38	17	18
1995	23	47	17	12
1996	24	47	17	12
1998	24	44	18	14
1999	25	44	19	12
2000	26	44	18	12
2001	30	47	17	6
2002	23	44	21	12
2003	22	46	22	10
2004	26	45	18	11

(в % к числу опрошенных)

Табл.2

Характер доверия к СМИ

	В целом доверяют	В целом не доверяют	Затруднились ответить
Газетам	33	60	7
Журналам	29	49	22
Радио	50	36	14
Телевидению	56	42	2

декабрь 2002 г., городское население, N=2000; в % к числу опрошенных

табл.3

Согласны ли вы с тем, что средства массовой информации должны быть полностью свободны от государственного вмешательства?

	1994	1998	1999	2002
Согласен	74	62	56	59
Не согласен	15	25	34	35
Затруднились ответить	11	13	10	6
<i>Число опрошенных</i>	<i>1600</i>	<i>1703</i>	<i>1708</i>	<i>2445</i>

(в % к числу опрошенных)

Табл. 4

Как изменилось положение со свободой слова, печати после избрания Путина президентом?

	Улучшилось	Не изменилось	Ухудшилось	Затруднились с ответом
В среднем	50	31	4	15
<i>Возраст</i>				
18-24	57	31	2	8
25-39	55	31	6	12
40-54	51	29	5	12
55 лет и старше	42	41	5	24
<i>Образование</i>				
Высшее	48	30	6	6
Среднее	54	25	3	13
Ниже среднего	45	21	7	24
<i>Душевой доход</i>				
1. Низкий (до 2000 руб)	48	33	6	24
2. ниже среднего (до 4000)	47	39	3	18
3. выше среднего (до 7000)	52	30	4	8
4. высокий (свыше 7000 руб)	62	26	4	8

семейный доход (тыс рублей)	5,7	4,9	5,1	4,9
Тип поселения				
Москва	36	39	3	22
Большие города	48	37	4	11
Средние города	46	42	6	7
Малые города	63	22	3	12
Село	49	23	5	23

В % к числу опрошенных, N=1600, 2003, май.

табл.4а октябрь 2003, тот же вопрос (в %)

	Улучшилось	Не изменилось	ухудшилось	Затруднились ответить
В среднем	49	30	7	13
18-24	54	30	4	12
25-39	53	28	7	12
40-54	49	32	8	11
55 лет и старше	43	31	8	17
Высшее	51	33	9	7
Среднее	53	29	7	11
Ниже среднего	41	31	8	20
1. Низкий доход (до 2000 руб)	55	22	7	16
2. ниже среднего (до 4000)	48	29	9	14
3. выше среднего (до 7000)	52	31	7	10
4. высокий (свыше 7000)	46	38	7	9
Совокупный семейный доход (тыс рубл.)	4,8	5,7	4,6	4,9
Москва	34	44	8	13
Большие города	46	37	7	10
Средние	46	27	7	12
Малые города	60	22	6	12
Село	41	32	8	19

Растет одновременно и заметно, хотя оно не сильно, полное недоверие. При этом, я хочу сказать, что СМИ в целом – это один из немногих институтов, к которому преобладает позитивное отношение. Таких институтов очень немного, их всего три: это президент, церковь и СМИ. Уже армия или спецслужбы находятся в неустойчивом положении и, скорее, в негативной зоне.

Больше всего доверяют, как я говорил, телевидению – то есть массовой и неаналитической информации, а менее всего – газетам и журналам. Причем, эта вещь очень неустойчива.

Одновременно заметно уменьшается первоначальный импульс на независимость (см. таблицы 5 и 5а). Это, скорее, установки массового сознания, чем действительно реальный спрос. То есть, хотя декларативно выражается необходимость независимых СМИ, но она именно декларативна, потому что, волей не волей, эта ситуация с массовыми коммуникациями, можно считать, обществом принимается.

Одновременно обращаю ваше внимание, что растет установка на государственный контроль над СМИ и желание, чтобы они были полностью государственными.

Табл.5

Какая из двух точек зрения Вам лично ближе?

Суждения	2000	2001	2003
Власти России ведут наступление на свободу слова и ущемляют независимые СМИ	30	39	28
Власти России нисколько не угрожают свободе слова и не ограничивают деятельность независимых СМИ	46	44	53
Затруднились ответить	24	17	19

(в % к числу опрошенных, N=1600)

Табл.5а С каким из следующих суждений Вы скорее бы согласились:

1. власти ведут наступление на свободу слова; притесняют независимые СМИ;
2. власти не угрожают свободе слова
3. Затруднились ответить

	1	2	3
В среднем	28	53	19
<i>Возраст:</i> 18-24 года	36	54	10
25-39 лет	32	52	16
40-54 года	28	54	18
55 лет и старше	22	52	27
<i>Образование:</i> Высшее	32	53	14
Среднее	29	54	17
Ниже среднего	25	49	26
<i>Душевой доход:</i>			
Низкий (до 2000 руб)	21	60	19
2. ниже среднего (до 4000)	26	53	21
3. выше среднего (до 7000 руб)	32	50	19
4. высокий (свыше 7000 руб)	32	53	14
Совокупный семейный доход (тыс руб)	6,0	5,7	4,5

Тип поселения: Москва	26	56	17
Большие города	33	45	22
Средние	33	47	21
Малые города	24	55	20
Село	25	58	16
<i>Социальный статус</i>			
Предприниматель	15	64	21
Руководитель организации	50	46	4
Менеджер среднего звена	48	38	15
Высококвалиф. специалист	45	49	7
Специалист	26	57	17
Служащий	37	48	15
Работник торговли, сервиса	29	56	15
Квалифицированный рабочий	29	57	14
Неквалиф. рабочий	27	58	15
Безработный	18	55	27
Студент, учащийся	47	42	11
Пенсионер	21	49	30
Домохозяйка	26	61	13

октябрь 2003 г., N=1600

Как изменилась ситуация с приходом Путина и со всей этой полицейщиной, которая в последнее время нарастает? И здесь странным образом первоначальный тезис начинает не подтверждаться, потому что именно высокодоходные группы – а они, вообще говоря, это более образованные, поддерживающие Путина – считают, что здесь ничего страшного не произошло, и, напротив, ситуация улучшается. Причем, вы видите, что как раз люди с самым высоким доходом здесь дают самые высокие показатели.

Одно частное наблюдение: с теми, кто критически оценивает, ситуация более дифференцированная, и это вот очень важная вещь. Причем, в динамике вы видите, что эта тенденция, как бы незабоченности, увеличивается. Если разложить этот вопрос на группы, то мы увидим, что как раз здесь странным образом возникают противоречивые отношения, что и заставляет меня говорить, что ваш тезис все-таки пробивается. Более того вы видите, что уровень дифференциации в тех, кто озабочен, гораздо сильнее, чем в основном массиве. Разброс просто между группами гораздо сильнее. Можно сказать, что, конечно, не сам доход является детерминантой спроса на свободу слова, а еще несколько других очень важных показателей: это возраст, образование, культурный капитал. Если сюда можно было бы ввести еще такие показатели, как, скажем, число книг в домашней библиотеке, то мы увидели очень значимую корреляцию – и место жительства, то есть уровни урбанизации. Вот на сочетании этих трех показателей, осях, которые дают, в общем, достаточно дифференцированную среду и некоторые условия какой-то частичной свободы и многообразия, возникает спрос на независимую информацию.

В отношении цензуры тоже не существует общей установки свободы вообще (см. таблицу 6). Она очень партикуляристская. Так же, как и в отношении правового сознания, важно, кто совершает, к кому относится правовая норма, и в зависимости от этого можно судить, можно ли совершать те или иные правонарушения или нет. То что так же и здесь, в зависимости от предмета разговора действуют большие или меньшие запреты или ожидания в отношении разрешенного и допустимого.

Табл.6

Следует ли ограничивать распространение по ТВ, в печати информации, содержащей...

	Да	Нет	Да / нет
выступления экстремистов	66	23	2,8
негативные оценки людей других национальностей	46	32	1,5
критику церковного руководства	37	40	0,9
критику первых лиц государства	35	50	0,7
выступления оппозиции	28	52	0,5

2003, N=2000

Если же взвесить разные опасности, не просто говорить о свободе слова, а ввести некоторую иерархию ценностных предпочтений, то, конечно, свобода слова откатывается далеко назад, она малозначима и уступает патерналистским ожиданиям, которые выходят на первый план (см. таблицу 7). Это спрос не некоторую стабильность, защищенность, причем самым примитивным образом.

Табл.7. Каких действий властей сейчас больше всего опасаются люди в России?

1. Произвола, беззакония
2. Политики, проводимой в интересах олигархов, западного бизнеса
3. Государство бросит людей на произвол судьбы
4. Введения новых налогов
5. Ограничение свобод, ущемление прав граждан

	1	2	3	4	5
<i>В среднем</i>	34	20	14	12	9
<i>Возраст</i>					
18-24	34	12	9	12	12
25-39	34	18	10	14	11
40-54	36	18	18	12	8
55 лет и старше	33	27	17	12	5
<i>Образование</i>					
Высшее	35	20	16	16	11
Среднее	35	19	13	13	9
Ниже среднего	32	20	14	14	7
<i>Тип поселения</i>					
Москва+ Спб	33	20	11	10	14
Бол.город	33	21	12	15	11
Сред.город	37	20	12	14	8
Мал.город	31	21	15	13	7
Село	38	16	17	9	6
<i>Среднедушевой доход в семье</i>					
Низкий	34	21	13	13	8
Средний	36	21	16	10	7
Высокий	29	16	14	18	14

И, наконец, собственно спрос на информацию (см. таблицы 8, 9, 10) – защита прав, свобод. Среди образованных, молодых и жителей крупных городов сильнее эти установки. Там есть некая институциональная среда. Ну, или хотя бы какие-то начала.

Табл. 8

Как Вам кажется, за последние год-два российские газеты и журналы стали в целом более или менее интересными?

	1998	2000	2002*
Более интересными	58	48	17
Не более интересными, такими же , как и раньше	17	19	58
Менее интересными	11	10	14
Затруднились ответить	14	23	11
Число опрошенных	1600	1600	2000

(в % к числу опрошенных)

*только городское население

Табл.9

В какой мере Вас лично интересуют на ТВ ...

	2000	2001	2002
<i>Новости, передачи последних известий?</i>			
не интересуют	8	10	13
В какой-то мере интересуют	19	22	33
Очень или во многом интересуют	73	68	54
<i>Политика, передачи о политике?</i>			
не интересуют	29	35	41
В какой- то мере интересуют	30	28	34
Очень интересуют	41	37	26

в % к числу опрошенных; городского населения, число опрошенных в каждом случае =2000

Табл. 10

Как часто Вы смотрите, читаете, слушаете ...

Источник	Частота обращения к информационным источникам					
	Ежедневно		2-3 раза в неделю		Редко или никогда	
	2000	2001	2000	2001	2000	2001
год						
ТВ	91	92	7	6	2	3
Радио	68	61	6	11	26	27
Газеты	24	21	27	28	49	51
Журналы	4	5	10	11	86	84

городское население, N=2000, в % к числу опрошенных)

Я хочу сказать еще, что, конечно, дело не просто в спросе и в экономической детерминации, но и в общем посерении политики, уплощении социальной среды, ухода интеллектуальной элиты и потере интереса к политике. Собственно, она сопровождает то падение ценности свободы информации, о котором мы говорили. Вы видите, что падает – за время Путина – интерес к политике, собственно, потому что нет групп, нет партий, которые бы представляли разнообразие интересов, и достаточно сильно падет интерес и, соответственно, спрос на соответствующую информацию.

И чтобы закончить, я еще раз говорю, конечно, спрос на информацию связан с доходами, но не прямым и очень сложным образом. Гораздо большую, на мой взгляд, роль имеет – и это обязательно вводить в анализ – типологическое сопоставление институциональных систем, в рамках которых возникает, собственно, спрос на информацию как межгрупповой обмен. Это такой же показатель обменных процессов, институционализации обмена, как и собственно экономические процессы. Без этого выводить такую детерминацию, мне кажется, это было очень сильным упрощением. Спасибо.

Андрей КУНОВ, Институт открытой экономики

Я бы хотел ответить на реплики г-на Гудкова и г-на Аузана. В частности, нас здесь немножко обвиняют в экономическом детерминизме, о чем может сложиться впечатление, глядя на это исследование. Конечно, никто из нас серьезно не стал бы брать экономический детерминизм за объясняющую модель в данном случае. Я готов абсолютно согласиться с тем, что сказал г-н Гудков. И мало того, я готов утверждать, что то, что он сказал, не противоречит тому, что мы утверждаем в нашем исследовании. Я попытаюсь сейчас объяснить почему.

Конечно, исследование как мы его сформулировали, оно было немножко провокационным. В этом плане г-н Аузан совершенно прав. Мы специально его сделали таким образом для того, чтобы, может быть, привлечь внимание людей, аудитории к одной очень фундаментальной проблеме, связанной с наличием или отсутствием демократических институтов в различных государствах. Это проблема наличия или отсутствия собственников. Этот наш подход можно в данном случае интерпретировать, конечно, как экономический детерминизм, но я готов утверждать следующую вещь: свобода слова возникает в тех обществах, где существует большое количество собственников, кто озабочен предохранением, сохранением своей собственности. И это выступает как главный мотиватор в их поведении, когда они готовы платить за собственность, готовы платить за свободу слова не обязательно как общественное благо, но даже как частное благо, покупая газеты, платя за рекламу на телевидении и т.д. Собственность – это та основа, на которой, по крайней мере, с моей точки зрения, строится любая демократия.

Если мы посмотрим в основу того, почему существует демократия и кому она нужна реально. Судьба демократии в России находится в руках "лавочников". Вот если эти "лавочники" осознают свой интерес к демократии и будут его активно продвигать и готовы будут платить за него деньги, тогда у демократии есть шанс. Если эти "лавочники" этого не осознают, а я утверждаю, что это неминуемо в любом обществе происходит, тогда, конечно, у демократии просто нет никаких шансов. Вы меня извините. Как бы государство ни пыталось навязывать демократические институты этому обществу или, наоборот, их отрицать, реальной основой для демократии в любом обществе является институт собственности. Если в нашей стране не возникнет реально функционирующий институт собственников и тех, кто нуждается в объективной и независимой информации для сохранения и приумножения своей собственности, у нас просто не будет никаких шансов для демократического развития в будущем.

И здесь, мы хотели в этом исследовании показать тот факт, что поведение власти немножко противоречиво, когда власть утверждает о том, что она хочет увеличивать количество собственников, с одной стороны, но при этом такими несколько автократическими путями. Я готов утверждать, что в долгосрочной перспективе эти

две цели государственной политики войдут в противоречие друг другу, потому что богатейшая часть населения, если ее богатство, конечно, будет построено не на распределении нефтяной ренты, а на увеличении собственности, будет требовать все больше и больше объективной информации. Объективной, независимой информации о том, что власть будет делать завтра, и не пойдет ли власть завтра на увеличение налогов, не пойдет ли власть завтра на экспроприацию собственности и т.д.

Здесь я вижу очень прямую и очевидную для любого общества каузальную связь, когда люди, которым есть что терять, готовы платить за демократический институт и, в частности, за свободную прессу. Когда терять нечего или некому, то, естественно, спроса на институты демократии в обществе не будет. Вот это та цель, которую мы преследовали, когда делали это исследование. Спасибо.

Ксения ЮДАЕВА, Московский центр Карнеги

Средний класс, развитие которого нужно в вашей статье для того, чтобы появилась демократия и, в частности, спрос на свободу слова, как бы главный его актив что ли – это совсем не собственность в виде каких-то физических активов. Главный мой актив совсем не это. Главный мой актив – это человеческий капитал, который я могу куда-то прилагать и из него получать какие-то материальные блага или что-то еще. Но в определенном смысле государство не может у меня это отобрать. И как раз в этом плане я и говорю про спрос и про предложение.

Алексей СИМОНОВ, Фонд защиты гласности

Я буду выступать как практик. Нельзя базировать научные исследования на антинаучных данных. Данные "Фридом хаус" антинаучны. Это напоминает мне, прошу прощения за фамильную аналогию, книжку моего отца "Друзья и враги": "Мир неделим на черных, смуглых, желтых, а лишь на красных – нас и белых – их". Вот у них был поделен мир на три части: на красных, белых и в полоску. Поэтому брать за исходные научного исследования данные "Фридом хаус" как, так сказать, определяющие – это очень сомнительная история. Это первое.

Второе. Я не знаю, кому она нужна эта самая свобода слова и, значит, насколько она зависит от экономических факторов. У меня тоже интуитивно есть ощущение, что каким-то образом они взаимосвязаны. Мне не показалось, что эта зависимость здесь каким-то боком выявлена. Она скорее угадана, чем выявлена. Вот если сверхзадача была просто спровоцировать общественность на более заинтересованное обсуждение этой проблемы, то эта задача, наверное, выполнена, потому что некоторое раздражение, которое у меня вызвали эти графики, естественно, побудило меня на эту тему разговаривать.

И, наконец, последнее соображение. Поскольку мы идем явно по белорусскому пути, то я хочу, прошу прощения, процитировать самого себя. Лет десять тому назад, попавши в Белоруссию, в ПЕН-центр, они только что вышли из выборов и все еще оставались в инерции, обсуждая итоги этих выборов, и говорили о том, на каком языке мы будем говорить. Я слушаю, они приходили и говорили: "Неужели вы хотите, чтобы ваши дети говорили по-русски?". И получали соответствующий отрицательный ответ. Я слушал это полтора дня. Потом встал и задал один вопрос. Я говорю: "Скажите, пожалуйста, вы правда думаете, что так важно, на каком языке мы будем говорить?"

По-моему, у вас уже вопрос стоит, на каком языке мы будем молчать". К сожалению, мне кажется, что на сегодняшний день проблема обсуждения стоит уже на этом уровне: на каком языке мы будем молчать, а не на каком языке мы будем говорить. Это мое ощущение практика. Простите.

Марк УРНОВ, Фонд «Экспертиза»

Дискуссия пошла так просто потому, что как авторы ни открещаются от экономического детерминизма, он у них есть. Если не по доходу, то по собственности. Так вот, с моей политологической точки зрения, это неправильно. Конечно, экономика там играет роль. Но модель совершенно четко мультифакторная, причем очень сложная. И брать некую одну переменную и коррелировать можно на самом деле только в первой таблице, когда речь идет о общемировых сопоставлениях. Причем почему это можно? Берется много стран, там есть страны либеральные, в которых свободы есть и соответственно инициатива работает; есть нелиберальные, в которых инициатива не работает и которые, в общем-то, поэтому и еще по некоторым историческим причинам бедные. Давайте построим корреляцию. Эти, которые бедные, у них соответственно и свободы нет, а те, которые богатые, там свобода есть. При этом как всякая корреляция, это не отвечает на вопрос о том, что и почему. Скорее наоборот. Экстраполировать это на изучение некоторой отдельно взятой страны или культуры, да еще на малом отрезке времени ну можно только с помощью вот – взял у Гудкова, у которого почему-то действительно прослеживается некоторая такая зависимость. По-моему, это главная проблема, очень серьезная проблема – выяснить, почему. Но тогда мы переходим на самом деле к вопросу о том, какие исследования в принципе нужны.

Вопрос о многофакторности проезжаем за очевидностью. Вопрос о том, что мы с чем коррелируем и что эта многофакторная система будет определять. Очень важно, с моей точки зрения, отойти от агрегированных показателей, по поводу которых мы сами не знаем, что мы говорим: что такое спрос на свободную прессу, что это такое? Мы что мерить будем?

Гудков говорит о том, что, оказывается, существует по меньшей мере три группы информации: одна – новостная аналитическая, вторая – идеологическая, третья – развлекательная. Они ведь очень разные, и соответственно корреляции их будут разными, и изучать их надо по-разному.

Что касается самих факторов, входящих в ту модель, в то сочетание, которое будет влиять на свободу прессы. Там тоже чудовищные сложности и отнюдь не линейности. Мы же прекрасно знаем, и все это знают: как только мы начинаем задавать идеологические вопросы, в России, скажем, показатель образования работает не так, как везде, и среди высокообразованных людей доля антилибералов почему-то вдруг резко повышается. Почему – вполне понятно. Потому что высокообразованные люди социально обижены и, соответственно, всю свою обиду вымещают на несчастных либералах.

Так что я бы сказал, что это некоторый хороший старт, исключительно как первый шаг как призыв изучать эту проблему. Только дальше нужна внимательная дифференциация показателей, которые отслеживаются, и отнюдь не марксистский и отнюдь не наивно-экономический или доходно-детерминантный подход, а очень комплексная, аккуратная модель, в которой присутствуют и экономические факторы, и культурные факторы и многие, многие другие, о которых здесь уже упоминали. Это не снимает той самой проблемы, о которой Алексей Симонов говорил, к великому

сожалению, скорее всего весь этот набор сложных факторов придется коррелировать не с ожиданиями свободной прессы, а с ожиданиями некоего такого свободного молчания. Это тоже большая проблема. Спасибо.

Сергей ПАРХОМЕНКО, журналист

Два отношения к услышанному сегодня. Я начну с хорошего. Вообще появление слова "спрос" во всей этой тематике лично для меня представляется очень правильным, очень своевременным и очень принципиальным. И совершенно задавлен этот подход, потому что все так увлечены историями о том, что есть уникальный журналистский коллектив, дадут ему - не дадут ему, раздавят - не раздавят, «уроют» - не «уроют», что совершенно забывают о небольшой проблеме – а это очень надо кому-нибудь? Кто-нибудь этого ждет? Кто-нибудь этим интересуется? Кто-нибудь переживает по этому поводу? Мы с вами видели в свое время четыре тысячи человек, которые пришли защитить самый лучший телеканал, который на тот момент был. Почему-то полагается считать, что их было 14. Но мы-то знаем, что их было четыре.

Да, действительно ощущение маргинальности очень мучает профессиональную журналистскую среду. В этой среде немногие готовы себе признаться в этом, а уж тем более вслух. Как-то задумываешься над тем, что вообще, на самом деле основное отношение, которое к этой проблеме существует, заключается в том, что "а вообще не больно-то и хотелось". Ну действительно не больно хотелось все то, чего мы так сбываем, с такой страшной силой как-то вталкиваем, предпринимая такие невероятные педагогические усилия. Поэтому я благодарю автора этого исследования за поставленный вопрос таким образом и за привлечение внимания к тому, что проблема спроса чрезвычайно важна. Вообще надо, чтобы кто-то еще этого хотел, иначе это все.

Что касается деталей, в которых, как всегда, весь дьявол. Ну, конечно, нельзя в стерилизованном виде это все рассматривать.

Действительно, свобода слова. Какая? Что такое свобода слова, и что под всем этим понимать? Масса разнообразных невероятных особенностей. Даже такая очевидная вещь, как тираж на самом деле ничего абсолютно не означает. Почему упал тираж? Какую роль здесь сыграла почта? Какую роль во всей этой истории сыграли научные процессы, вообще не имеющие никакого отношения ни к проблемам собственности, ни к проблемам печати тем более, и так далее.

Я в свое время имел счастье участвовать в одной международной конференции, на которую, по всей видимости, меня послали по ошибке, потому что я был единственным белым на пресс-конференции, она вся состояла из Африки, главным образом экваториальной. И там произвел фурор человек, который был представлен как редактор крупнейшей камерунской ежедневной газеты, невероятно влиятельной. На поставленный ему в кулуарах вопрос: "Какой тираж этой газеты?", он сказал: "400 экземпляров". На вопрос: "Что это означает?" с ухмылочкой, он сказал: «Это означает, что 100 экземпляров из этих 400 выписывают члены правительства, а остальные 300 экземпляров расклеены в 300 витринах по всей стране и каждый из них имеет аудиторию примерно в 3,5 тысячи человек. И у нас есть аудиторская служба, которая умеет это считать. Таким образом моя аудитория гораздо больше миллиона.» Вот вам история с тиражом и национальными особенностями.

Здесь тоже есть какие-то особенности с тиражом. Тут совершенно ничего не поделаешь – и с распространением, и с поведением рекламного рынка, который на

самом деле огромный рынок. И, скажем, эффект, который произвел дефолт, на мой взгляд, гораздо слабее ощущается, чем тот эффект, который произвел опрос на аудиторию, которая почему-то вдруг лишилась денег выписывать газеты и журналы, чем тот эффект, который произвел на рекламный рынок: газеты и журналы стали сыпаться не от этого и сыпаться стали главным образом глянцевые журналы, для которых вообще проблема сбыта почти не стоит. Лежит, журнал, например, "Elle" три месяца на прилавке, но рано или поздно его купят, их вообще это не смущает. А вот что рухнул рекламный рынок, для них было важно.

Мне кажется, что проблема, может быть, не в экономическом детерминизме, а в таком цифровом детерминизме. Тут вообще очень плохо описываются цифры, вся эта сфера. И я боюсь, что это совершенно не вина авторов этого исследования, а проблема просто этой материи. Спасибо.

Татьяна ВОРОЖЕЙКИНА, МВСШЭН

Мне кажется, что вопрос, который имеет смысл обсуждать в связи с этим докладом, уже поставил Александр Аузан. Это вопрос о том, каковы перспективы авторитарного режима, осуществляющего либеральную экономическую политику, то есть способствующего расслоению, росту благосостояния определенной части населения.

Является ли такой режим своим могильщиком? Докладчик Андрей Кунов, в общем, отвечает на этот вопрос утвердительно: да, путинский режим, проводя политику авторитарными методами, создает такого могильщика в лице высокодоходных групп собственников. Оговорка относительно, скажем так, типа получения этой собственности, типа доходов, мне кажется, значима, но в последнее время свобода слова у нас все больше была связана с нефтяными доходами до определенного момента. Это тоже, видимо, существенное исключение. Я Ходорковского имею в виду.

В ваших исследованиях это подтверждается главным образом межстрановыми сопоставлениями, из которых следует, что в странах, где, как вы пишете, две трети населения обладают доходом, равным или выше порогового, средства массовой полностью свободны.

Я с этим готова согласиться с очень существенными оговорками. Потому что отнюдь не во всех странах – здесь уже говорилось о Саудовской Аравии и о Сингапуре, есть масса других примеров – это так. Я бы так сказала: это верно для стран первого эшелона, западноевропейского и североамериканского ареала. С этим я согласна.

Пункт второй, относительно собственности. Я прошу прощения за пример из личной жизни. В 1982-м году, когда руководство ИМЭМО меня хотело быстренько вышвырнуть, я уходила в небытие. Теперь меня вышвырнуть из жизни уже не так просто, потому что у меня кроме социального капитала есть и что-то, на чем я могу прожить некоторое время. Вот для меня лично это очень значимо. Я прошу прощения. И мне кажется, что, как бы сказать, статусное изменение людей, обладание собственностью и доступ к собственности – это действительно важный момент личной независимости, но не более того.

С заключением из этого межстранового сопоставления к выводам для нашей страны я бы не согласилась. Часть этих резонансов уже привел Марк Урнов, я не буду их повторять. Мне кажется, что между уровнем дохода и уровнем демократии – а

собственно вы об этом рассуждаете, для вас свобода слова – это частный случай, – есть некая очень общая зависимость, проявляющаяся на крайне длительных исторических отрезках. Причем большой вопрос, идут ли страны иного типа развития в таком же направлении. Мне кажется, что если мы будем избираться уже на обозримых отрезках, гораздо более важную роль – и об этом Лев Гудков говорил – играют вещи институционального порядка, политика культурного порядка, что мне кажется очень важным – тип отношения власти и собственности. Когда мы посмотрим на эти составляющие, то мы увидим, с одной стороны, большое разнообразие, связанное с этим. Я не буду углубляться, скажем так, в очень близкий мне латиноамериканский материал, но разница между Чили, Аргентиной и Мексикой по этим параметрам колоссальна. Хотя по большому счету уровень, тип распределения дохода, везде высокий индекс Джини... Тем не менее, здесь колоссальная разница и в том, что касается свободы прессы.

Но мне гораздо более важным кажется другое, в том, что касается проблемы среднего класса. Латиноамериканский опыт XX века показывает, что средний класс в период резких модернизационных кризисов реагирует в массе своей антидемократически и анти свободы слова. Это, к сожалению, факт. Я не берусь утверждать, что это всегда и везде будет так, но то, что говорил Лев Гудков о шовинистическом, авторитарном общем настроении мелкого и среднего собственника, характерно для среднего класса во всех модернизационных кризах. Это не национальная особенность, на мой взгляд, это ситуационная особенность этого перехода. Поэтому на сочетании целого ряда показателей и следует заключать о движении страны в том или ином направлении. Я лично не уверена, а больше того – убеждена в обратном, что исторический тип российской власти, тип отношений власти и собственности, которые ей удалось отстоять, а именно: нерасчлененность власти и собственности и контроль власти над собственностью – тот, скажем, тип общества, усложнению которого власть успешно способствует, о чем Левада-Центр, и Гудков в частности, много пишет, – все это не даст возможности такого типа режиму, авторитарному режиму, ведущему либеральный политический курс, создать своего могильщика. Движение будет, результирующая будет совсем иной. Спасибо.

Виктор ПОЛТЕРОВИЧ, Российская экономическая школа

Я хочу начать с двух общих замечаний, потом предложить некоторую точку зрения, которая объединяет здесь, казалось бы противоречивые аргументы, которые здесь были сделаны. Ну прежде всего тема "Демократия и уровень доходов" или «Демократия и экономика» – тема не только очень старая, но и в последние 20 лет очень интенсивно разрабатывается в рамках новой политической экономии. Немножко жалко, что вы не сделали никаких ссылок, потому что для того, чтобы их получить, надо просто в Интернете набрать "New political economy", и вы получите там тысячу ссылок, где в частности, конечно же есть и утверждения о том, что с ростом доходов в среднем у нас растет и спрос на демократию. Кстати, спрос на институты – тоже довольно расхожий термин, хорошо известный.

Но это все еще не значит, что есть хорошая теория, объясняющая, почему же все-таки имеется эта связь между экономическими показателями и демократией. И я бы хотел сказать два слова о некоторой концепции, которая на самом деле базируется как раз на простейшей экономической модели – как раз модели спроса. Просто она включает в себя большее число факторов, нежели один фактор, который вы вот пытались учесть.

Давайте рассмотрим в предложенных терминах спрос на демократию у потребителя, который на самом деле располагает определенным количеством доходов, и у него, в его наборе его благ, в том, что он покупает, присутствует же не только свобода, еще присутствуют обычные продукты, самые обычные. Присутствуют еще требования к власти, такие требования, как "власть должна быть эффективной", у него есть требования к законности и так далее. И вот давайте посмотрим, как будет меняться этот спрос, спрос на многие блага, условно говоря, при увеличении доходов. Конечно, если человек не накормлен, ему трудно думать о свободе. В среднем. Есть разные люди, разные характеры. Поэтому, безусловно, спрос на свободу при очень низком уровне благосостояния будет соответственно низким. Но это не значит, что с ростом дохода у нас немедленно появится спрос на свободы, потому что есть еще другие обстоятельства. Прежде всего, требование эффективности власти.

И здесь возникает вопрос: а как эффективность связана с демократией? Можем ли мы утверждать, что если мы имеем больше демократии, то больше эффективности? Кстати говоря, мне хотелось бы тоже ответить на замечания, потому что индикаторами, которые изготавливает "Фридом Хаус" и ряд других организаций, совсем нельзя пользоваться. Ну, плохие индикаторы, что говорить, но нет других, да? И тот, кто предложит лучшие индикаторы, будет, я думаю, очень высоко оценен. А пока нет других, и есть организации, которые систематически, из года в год вырабатывают определенные индикаторы такого типа, ничего не остается, как ими пользоваться.

Так вот, если посмотреть, действительно ли верно, что больше демократии, так больше и эффективность, то мы проделали как раз такое исследование. И выясняется, что это, вообще говоря, не так. И здесь есть определенная связь с уровнем законности. Значит, демократия более эффективна при высоких уровнях законности. Если уровень законности низкий, то демократия, наоборот, портит. Что мы делали? Мы брали темпы роста по большой выборке стран, смотрели вот на множество разных параметров, в том числе на индекс Роба Флоунта, индекс законности и индексы демократии разного сорта. Оказывается, что зависимость такая непростая, да? Если у нас высокий уровень законности, демократия оказывается полезной и эффективной в экономическом смысле. Если низкий уровень, она, наоборот, деструктивна. И на самом деле этот тезис может быть обоснован при прослеживании истории возникновения демократии в развитых странах. Скажем, в качестве примера, просто намек, берем Соединенные Штаты. Там, 1830-е годы и дальше, да? И описание того, что происходило в Соединенных Штатах в это время очень похоже на то, что происходило в середине 1990-х годов в России. То есть это засилье коррупции при демократизации. Произошла резкая демократизация, и впервые появились крупные партии, и реакция общества на это, так сказать, засилье коррупции, я не буду здесь вдаваться в детали, очень, исключительно похоже на то, что происходило у нас в России.

Я думаю, что при дальнейшем увеличении доходности, после того, как человек уже приобрел элементарные блага и, можно сказать, некоторую собственность, у него появляется спрос на законность. Это вот тот самый спрос – и не только он, я думаю, – который, прежде всего, и предъявляет средний класс. Им плевать на то, какая власть, важно, чтобы она обеспечивала сохранность их собственности, важно, чтобы она дала возможность им работать. Но у них есть еще масса всяких иллюзий, так сказать, разные националистические идеи, им кажется, что корень зла в чем-то еще другом. Но среди прочего они крайне заинтересованы в том, чтобы был порядок. И только после того, как устанавливается законность и достаточно развито гражданское общество, только после этого может появиться настоящий спрос на демократию.

Я думаю, что если вы включите такой фактор, как законность, в рассмотрение, у вас получится более связная концепция. Ну, конечно, культурные факторы нельзя не принимать во внимание, когда мы сравниваем разные страны. Скажем, такой фактор, как взаимное доверие между людьми. Малое государство Япония очень эффективное, что во многом объясняется тем, что японцы здорово доверяют своему государству и доверяли ему более или менее всегда. И, так сказать, управление здесь сравнительно дешевое. В наших условиях нужно тратить колоссальные средства на организацию, потому что никто никому не доверяет. Спасибо.

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ, журналист

В начале два слова вот по поводу того, о чем вы говорили - об информации, спросе на информацию. Я думаю, что надо разную информацию иметь в виду. Например, если есть какие-то развитые институты, их, скажем, интересует независимая экономическая информация, это понятно. Но это не имеет отношения к политической свободе слова. Есть политическая информация, есть развлекательная информация. У вас это как-то все в куче, и поэтому трудно разделить.

Теперь если взять чисто политический аспект, который мне ближе. Я думаю, что не надо тут изобретать велосипед: есть исследования еще 1930-х годов. Там, допустим, авторитарная личность, так Арин Салинен. Есть и исследования, и реальный исторический опыт. Известно, что самые авторитарные и антидемократические, в англосаксонском понимании антидемократические, слои общества – это обеспеченные слои. Германия, 1930-е годы. Более того, это самый культурный слой, и поскольку самые оголтелые нацисты были в немецких университетах – это общеизвестный факт – профессора, студенты; чем более они были образованы, тем более они были оголтелы в своей ксенофобии.

Я думаю, что идея, что лучше быть богатым, но свободным, чем бедным но несвободным, все-таки неправильная. Тут, конечно, никакой прямой связи нет. Практически на этом погорел, например, СПС, которые делали ставку механически: за нас будут голосовать богатые. Они за них не проголосовали! За СПС скорее голосовали нищие интеллигентные старушки 1980-х годов, чем продвинутый средний класс.

Наверное, все-таки надо выделять какие-то блоки. Допустим, некоторые традиции терпимости, некоторые традиции ведения дискуссии, некоторые традиции политкорректности. Как они коррелируют с представлениями о необходимости политического плюрализма и свободы слова? Я думаю, там корреляция гораздо больше, чем между уровнем доходов и тому подобными вещами. Насколько эти культурные традиции в нашей стране существуют – это отдельный разговор.

Я полностью согласен с тем, что говорил г-н Гудков. Когда в нашей стране люди чуть-чуть приподнимаются, становятся чуть-чуть богаче, у них появляется, как мне кажется, смешанный комплекс: с одной стороны – сверхуверенность в себе, а с другой стороны – озлобленность. И это сочетание, общий знаменатель – это оголтелая ксенофобия, которая, мне кажется, в большей степени свойственна обеспеченным людям в нашей стране, чем те, кто находится совсем внизу.

И о перспективах страны. Пиночет – любимая "заморочка", с которой носились в начале 1990-х годов. Вот будет либеральный диктатор, который установит ту самую законность, а потом сама собой придет демократия. На следующем этапе. Опыт показывает, наш реальный опыт, что все с точностью до наоборот. Никакого либерального диктатора у нас быть не может, а может у нас быть только диктатор принципиально антилиберальный. Он не диктатор, он слабак, но его идеи по определению антилиберальные, которые он прямо, по мере своих сил провозглашает. И понятно почему. У него нет той среды, на которую мог бы опираться либеральный диктатор. Он не опирается, грубо говоря, на западное влияние. Он опирается на ВПК, на традиционную эмвэдэшную среду, на тех самых продвинутых, разбогатевших людей – им он близок и мил. И, естественно, что никаким либеральным Пиночетом он не будет, в отношении собственности, я хочу сказать. Как он относится к собственности, известно по примеру ЮКОСа. Эта принципиальная идея, так сказать, огосударствления, а по сути – государственного разбоя. Это и есть та реальная экономическая база, на которой может быть диктатура в нашей стране. Не свободный рынок, а бюрократический рынок; не независимость собственности, а государственность собственности; не прозападное настроение, а антизападное настроение – вот база для диктатуры у нас.

Еще раз повторяю, диктатора нет, поэтому нет диктатуры, но база для диктатуры вот такая. И эти настроения очень соответствуют, я думаю, настроениям среднего класса, потому что эти люди считают и, может быть, правильно считают, что их собственность в этой ситуации будет относительно более гарантирована, чем она была гарантирована раньше. То есть, их корыстные собственнические интересы идеально соответствуют модели антилиберального авторитарного режима, и плюс к этому идеологические установки, ксенофобские, патологически антизападные, в некотором смысле параноидальные, в некотором смысле полурациональные – это уже другая сторона медали. Я думаю, этот букет для нас наиболее реальный, а вовсе не некоторый либеральный диктатор, который затем перейдет в демократию.

Флориана ФОССАТО, эксперт по российским СМИ

Я хотела сказать господину Кунову, что, на мой взгляд, ценность вашего доклада, вашего исследования, действительно, это как провокация. Но, на мой взгляд, ваша провокация очень опоздала. Если ваше исследование было бы проведено в 2001 году, тогда имело бы какую-то ценность, потому что пробуждало бы дискуссию и среди специалистов и среди журналистов и публики на действительно важную тему – о хаосе ценностей. То есть, когда мы говорим о независимых СМИ и о свободных СМИ, мне совершенно понятно, что это такое, для кого это, какой должен быть контент не только собственно этих СМИ, какой может быть контент этих свободных СМИ.

А в 2002 году еще такая дискуссия имела бы большую ценность для журналистов, которые производят на телевидении программы, для тех людей, которые очень ограничены, которые не могут, уже не в состоянии по тем же социологическим причинам, о которых говорил г-н Гудков: самоадаптация, свои комплексы, и как-то попроще заниматься самоцензурой, чем заниматься чем-то другим. И тогда, может быть, ситуация изменилась бы.

Я не очень поняла, какая окончательная цель вашего исследования, почему вы это делали, но сейчас мне кажется, что она очень опоздавшая.

Святослав КАСПЭ, фонд «Полития»

Мне кажется одним из самых полезных занятий рефлексия над собственными установками. И вот в порядке этой рефлексии я хотел бы сделать несколько предположений.

Я предполагаю, во-первых, что мы, собравшиеся здесь, имеем некоторое представление о тех СМИ, которые хотим видеть. Ну, а равно и, наверное, есть еще какие-то люди, которые разделяют это представление и здесь отсутствуют.

Я предполагаю, что эти представления достаточно схожи или, по крайней мере, совместимы. Ровно об этом, насколько я понимаю, говорил Сергей Пархоменко, сказав, что независимость по-нашему? Я думаю, что все понимают, о чем идет речь – по-нашему. Я предполагаю, что, опять же для всех очевидно, что ныне действующие СМИ этим представлениям не соответствуют.

Я предполагаю далее, что этот идеальный и общий для нас образ СМИ был в значительной степени сформирован в первой половине, в середине 1990-х годов, когда действительно приятные нам СМИ, по странному стечению обстоятельств, некоторое время были независимы.

Я предполагаю, что это был такой случайный взбрык истории, это можно отдельно аргументировать, что дело, наверное, вообще не в независимости, потому что мне кажется, что и сейчас есть абсолютно независимые СМИ, и это не только радио "Шансон". В каком-то смысле абсолютно независимым СМИ сейчас является, скажем, сайт "Компромат.ру". Он соответствует всем критериям "Фридом Хаус". Он не подвержен политическому давлению, он публикует что угодно о ком угодно. Он принадлежит стопроцентно частному лицу, он действует в зоне вообще свободной от юридического урегулирования. Чего хочу, то и делаю. Полезный ресурс? Да. Без него, в общем, информационная картина дня неполная. Готовы ли мы согласиться с тем, что это и есть идеал? Не думаю. Я полагаю, что когда мы говорим о независимых СМИ, мы на самом деле имеем в виду не столько независимые СМИ, сколько просто-напросто СМИ политические, то есть те, которые представляют собой каналы трансляции и арену конкуренции содержательно различающихся проектов обеспечения общего блага. Вот, собственно, и все. Ну, и, соответственно, авторов этих проектов.

Кстати, может быть, даже не только политических, потому что, например, остро не хватает СМИ, которые бы транслировали содержательно разные эстетические программы. Мне, например, не хватает. Я думаю, что просто можно говорить о программных СМИ. Будут они при этом независимы или нет, мне кажется, что это, во-первых, сомнительно, а, во-вторых, что это дело десятое, что это, на самом деле, не так важно, и чрезмерное увлечение проблемой независимости СМИ может в какой-то степени... Это не самая важная, не самая главная угроза, конечно, но просто мне кажется, что мы должны лучше понимать для самих себя, хотя бы проговаривать, за что, собственно, выступаем.

Мне кажется, что это может в какой-то степени отвлечь от борьбы за то, что нам реально необходимо. Независимым будет орган печати или нет, не важно. Важно, чтобы он был наш, как сказал Сергей Пархоменко.

Виктор ШЕЙНИС, Институт мировой экономики и международных отношений РАН

Мне кажется, что отличительная черта сегодняшних выступлений заключается в том, что, по сути дела, мы вышли за рамки обозначенной темы. Ораторы говорят не только, а иногда не столько о свободе средств массовой информации, сколько о судьбах демократии в обществах не первого эшелона.

И здесь во многом я согласен с тем, что говорили Гудков, Ворожейкина, Аузан и некоторые другие. Вместе с тем, мне кажется, что надо разграничить то, что сегодня здесь еще не прозвучало, а именно: некий исторический взгляд, который охватывает огромные периоды истории, и тональность тех процессов, которые мы можем наблюдать и предвидеть, скажем, на протяжении нескольких лет, максимум, ну, 10, 15, 20 лет.

Одна из любимых моих шуток последнего времени заключается в следующем. Я предлагаю пари всем пессимистам, а пессимистов сегодня немало, такого рода. Через 50 лет, говорю я, Россия будет демократической страной. Как вы понимаете, для меня абсолютно безопасно подобного рода пари. Но в каждой шутке есть доля шутки.

Мне кажется, что общая тенденция мирового развития, как мы ее можем наблюдать на протяжении, скажем, истории тех веков, которые нам достаточно хорошо известны, 19-го, 20-го, начала 21 века, ведет к тому, что общество становится более свободным, демократия получает развитие, и этот процесс втягивает в себя новые страны и народы.

Лет 20 тому назад, в моем институте была выпущена книга, которая называлась "Развивающиеся страны. Экономический рост и социальный прогресс". Книга была очень толстая, и уже поэтому она была обречена на то, что ее не заметит сколь-нибудь широкая общественность, и то, что она будет скоро забыта. Тем не менее, возвращаясь к этой книге, я думаю, что самая общая постановка вопроса была правильной. Она заключалась в том, что со временем и не только – в этом состояло, если хотите, известное отклонение от догматических канонов, которые тогда господствовали в общественных науках – не только под влиянием экономических факторов, но под влиянием культурных факторов, под влиянием взаимовлияния культур, под влиянием мощного воздействия иудео-христианства, в европейской цивилизации осуществляется некоторый социальный прогресс, для которого был предложен ряд критериев. И вот по этим критериям, нам представлялось, что идет процесс позитивного развития.

Я не знаю, согласится ли со мной Татьяна Ворожейкина, она значительно пристальнее и внимательнее, чем я, следила за странами Латинской Америки, но у меня тоже были некоторые контакты, впечатления, разговоры с политиками, с учеными, с дипломатами, и, как мне представляется, страны второго эшелона, такие страны, как Бразилия, действительно, за последние, скажем, два десятка лет совершили громадный скачок, громадный переход к демократическим порядкам, к порядкам, которые, в общем, выводят постепенно эти страны на уровень государств первого эшелона.

С точки зрения короткого отрезка времени, по-видимому, я еще раз хочу солидаризироваться с теми ораторами, которых я назвал и которых я не назвал, нельзя эти общие тенденции прилагать, говорить: вот смотрите, допустим, не только под

влиянием экономики, под влиянием целого ряда других факторов происходят изменения, и эти изменения носят, в общем, позитивный характер.

Но сегодня у меня возникают сомнения и в отношении метаисторического подхода. И я просто сошлюсь на, слава Богу, теперь переведенную на русский язык книгу Валлерстайна "Конец знакомого мира". Валлерстайн высказывает гипотезу, согласно которой происходят такие изменения в мире, которые не позволяют просто экстраполировать те тенденции, которые нам знакомы. Вот это создает дополнительные сложности.

Если же говорить о перспективах России, и перспективах не на 50, не на 100 лет, а лет на 10, 15, 20, то я абсолютно согласен с тем, что нельзя, даже приняв версию, что общепозитивное развитие ведет к тому-то и к тому-то, прогнозировать, что в обозримый период произойдет позитивное изменение. Как нельзя, скажем, отправляясь от того, что на смену зиме приходит весна, прогнозировать и говорить, что погода в такую-то неделю мая будет теплой и хорошей погодой.

Таким образом, два вопроса. Один вопрос по краткосрочному развитию – об этом говорилось много. И второй вопрос, о котором мы здесь еще не говорили, но который, по-видимому, станет в центре ближайших дискуссий – это вопрос о долгосрочных мировых тенденциях. Спасибо.

Ксения ЮДАЕВА, Московский центр Карнеги

Я хочу для подведения итогов вернуться к идее, которую высказал Виктор Полтерович: просто есть проблема – демократия, действительно, в определенных условиях не всегда обеспечивает представление каких-то других важных вещей. Он упомянул законность.

Есть еще одна проблема, которую я недавно обнаружила в литературе. Мы здесь много говорим о ксенофобии. Будь общество книгообменным, еще каким-то культурным или этническим критериям, где существует так называемое вертикальное неравенство, демократическое общество в стандартном виде, мажоритарная система. Кто в ней играет наибольшую роль? Наиболее весомая группа. Оно не предоставляет достаточной защиты интересов определенных более мелких групп населения, и из-за этого оно может быть не очень жизнеспособно.

Но мне бы хотелось сказать не об этом. Я бы хотела здесь, поскольку у нас частично политический, частично экономический семинар, процитировать Амартии Сена – это Нобелевский лауреат по экономике, который всю свою жизнь занимается не то что проблемами бедности, а, я бы сказала, проблемами нищеты. И он, в частности в книге, "Развитие как свобода" достаточно активно обсуждает эту теорию, которую сегодня развивал Андрей Кунов, собственно, о том, что у бедного населения нет спроса на свободу, у него есть какие-то другие, более непосредственные нужды, которые оно хочет удовлетворить, прежде чем оно предъявит спрос к свободе. Он говорит о том, что эта теория чрезвычайно распространена, ее обычно придерживаются лидеры многих государств. Они очень любят говорить о том, что бедному населению свобода не нужна, им бы поесть надо.

Что касается самого населения, то его никто никогда и не спрашивал, а что оно на эту тему думает. И есть только одно исключение в истории, согласно Амартии Сену, когда население, собственно, спросили о том, что оно об этом думает. История эта имела

место в середине 1970-х годов, когда Индира Ганди под похожими лозунгами объявила в Индии чрезвычайное положение и отменила некие демократические свободы. Мы с вами знаем, Индия – единственная из бедных стран, которая обладает достаточно устойчивой и довольно развитой по многим показателям демократией.

Закончилось это весьма плачевно для Индиры Ганди, которая проиграла последующие выборы. Народ высказался за то, что он ценит демократические свободы и не ценит Индиру Ганди, которая под какими-то политическими лозунгами с целью якобы предоставления больших экономических благ хочет эту свободу отменить. И я думаю, что этот пример говорит о том, что ситуация очень сложная. Действительно говорить о каких-то прямых вещах сложно; говорить опять-таки только о спросе, поднимая этот вопрос без предложения, тоже сложно, потому что предложение здесь играет важную роль. Почему важен вопрос с человеческим капиталом, потому что в обществах, где основной источник богатства – человеческий капитал, это сложнее отобрать. Государство больше предоставляет населению свободы, потому что производство капитала зависит от населения, а не от природных ресурсов.